

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МИРА

ТОМ

1

В ПЯТИ ТОМАХ

Экономика
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА,
ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ,
ДРЕВНЕГО РИМА,
ДРЕВНЕЙ РУСИ

АЛЕТЕЙЯ

Коллектив авторов

Экономическая история мира.
Том1. Экономика Древнего
Востока, Древней Греции,
Древнего Рима, Древней Руси
Серия «Экономическая история
мира в 5 томах», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36250591

*Экономическая история мира: в 5 т. Т 1. Экономика Древнего Востока,
Древней Греции, Древнего Рима, Древней Руси: Алетейя; Санкт-
Петербург; 2018
ISBN 978-5-906980-25-0*

Аннотация

Издание впервые объединяет историю развития мирового хозяйства и историю экономической мысли, включая философские концепции классиков экономической науки и экономические взгляды знаменитых философов. Будет незаменимо при подготовке к экзаменам кандидатского минимума по истории и философии экономики.

Содержание

Введение	6
1. Хозяйство первобытного общества	17
2. Экономика Древнего Востока	43
2.1. Страны Древнего Востока	43
2.2. Шумер	50
2.2.1. Заря цивилизации	50
2.2.2. Природа	51
2.2.3. Храмовое хозяйство. Рождение письма	53
2.2.4. Энсиальное хозяйство	56
2.2.5. Земледелие и ремесло	61
2.2.6. Быт	67
2.2.7. Объединение страны	69
2.3. Вавилон	76
2.3.1. Ассимиляция пришельцев	76
2.3.2. Распад государственного хозяйства. Частная собственность и аренда	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

**Экономическая история
мира: в 5 т. Т 1. Экономика
Древнего Востока,
Древней Греции, Древнего
Рима, Древней Руси
Под общей редакцией
заслуженного деятеля
науки Российской
Федерации, доктора
экономических
наук, профессора
М.В. Конотопова**

Редакционный совет:

М.В. Конотопов, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (председатель),

О.Т. Богомолов, акад. РАН,
Ю.Ф. Воробьев, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ,
Б.В. Гусев, член-корр. РАН, засл. деят. науки РФ,
В.Г. Егоров, д.и.н., д.э.н., профессор (зам председателя),
Б.Е. Ланин, д.э.н., проф.,
В.А. Мартынов, акад. РАН,
П.П. Пилипенко, д.э.н., проф.,
М.А. Сокольников (ответственный секретарь),
С.И. Сметанин, д.и.н., проф., засл. деят. науки РФ,
Ю.А. Сулимов, к.э.н., доц. (зам. председателя),
В.П. Федоров, член-кор. РАН,
Н.П. Шмелев, акад. РАН

3-е издание, дополненное и доработанное

Авторский коллектив:

А.В. Аникин, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (гл. 14),
А.Ю. Егоров, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (4.11),
О.В. Карамова, к.э.н., доц. (2.10, 5.12, 6.5, 11.9, 11.10),
В.М. Конотопов, к.э.н., доц. (4.11),

М.В. Конотопов, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (Введение, 2.1–2.9, 4.1–4.10, 5.1–5.11, 6.1–6.4, 7-10, 11.1-11.8, 12, 13),

Б.Е. Ланин, д.э.н., проф. (4.11, 14),

С.И. Сметанин, д.и.н., проф., засл. деят. науки РФ (1, 2.1–2.9, 3, 4.1–4.10, 5.1–5.11, 6.1–6.4, 7-10, 11.1-11.8, 12, 13)

Введение

Всякое глубокое экономическое исследование имеет исторический аспект, даже если оно посвящено самой насущной проблеме. Пример тому – жизнь и идеи классиков экономической науки, а точнее – ее основателей. Великий Петти, начав с проблемы налогов и сборов, углубился в дебри теории стоимости и заложил ее фундамент. Давид Рикардо, сломав голову по поводу «хлебных законов», завершил каркас классической политической экономии и сделал эту «мрачную науку» самой популярной почти на полвека.

Карл Маркс, избрав для «Капитала» в качестве основного метода исследования логический, постоянно возвращался к истории экономической мысли подобно своему не менее великому предшественнику Адаму Смиту. Поэтому история экономики – не только основа истории человечества, но и важнейшая часть его экономической теории, в состав которой включаются и политическая экономия как совокупность наиболее устоявшихся экономических доктрин, и история развития экономической мысли (история экономических учений).

Значение истории экономической мысли понятно любому образованному человеку, ибо легко провести аналогию начиная от истории математики через историю медицины и заканчивая историей музыки, то с пониманием роли истории

экономики уже сложнее. Ее нам во многом заслоняет политическая история, которую все мы познавали с детства. Историю долгое время было принято рассматривать в основном как цепь политических событий: рождение и гибель государств, смены династий, революций и войн, народных движений. Но в такой истории сложно было проследить не только процесс, но и основы, причины прогресса человечества, а следовательно, и законы развития.

Если нет законов, то нет и науки. Да, мы знаем, что прогресс существует, что человечество развивается. Но дело в том, что законы развития человеческого общества (во всяком случае, основные) коренятся не в политических, а в экономических процессах. Не случайно политические термины «республика», «монархия», «демократия» появились еще до зарождения христианства и употребляются в том же значении до сих пор. А вот условия добычи элементарных средств существования, а позднее – производства и потребления материальных благ меняются непрерывно, вызывая неизбежно и политические изменения в обществе. Поэтому экономическое развитие составляет основу развития человечества, а экономическая история – основу всей его истории.

Любая, подчеркиваем, любая сколь-нибудь значимая вежа в развитии человечества имела в первооснове экономическую причину как побудительный мотив, как движитель.

Великие географические открытия – результат стремления найти короткий морской путь в Индию и добыть восточ-

ные пряности, которые были в средневековой Европе дороже золота. Первый поход Ермака в Сибирь имел своей целью получить дешевую пушнину. Политическая агрессивность США диктуется необходимостью давать заказы своему невероятному по своим размерам военно-промышленному комплексу.

Почему целые тысячелетия в экономической истории цивилизованное человечество обходилось без железа? Почему община оказалась достаточно устойчивой формой социально-экономической системы и сохранилась после ликвидации первобытно-общинного строя в рамках азиатского способа производства (в меньшей степени при античном рабовладении) и даже в европейской феодализме (кроме того, модель соседской общины легла в основу ремесленных цехов, купеческих товариществ, а в России и некоторых других странах ее существование продлилось до XX столетия)? Чем, какими объективными причинами был предопределен особый путь России в экономике Европы?

На эти и многие другие вопросы призвана ответить эта книга. Нельзя понять экономику нашего времени, не зная, как она сложилась, не зная ее истории. Экономика – это процесс, развитие, а современное ее состояние – лишь момент в этом процессе. Каждое экономическое явление наших дней имеет исторические корни: оно возникло в связи с определенными экономическими условиями в прошлом и сохраняет их отпечатки. Программирование развития экономики

без понимания исторического процесса ведет к тому, что результат человеческих усилий оказывается не таким, каким ожидался. Отсюда и крылатая фраза нашего времени: «Хотели, как лучше, а получилось – как всегда».

В связи с этим надо отметить, что если первой задачей нашей книги было объединение истории развития хозяйства с историей развития экономической мысли, то второй – новое, надеемся, более глубокое осмысление экономического пути России. Многие, очень многие современные проблемы хозяйства современной России, ее экономические болячки – наследственные. Они предопределены спецификой ее предшествующего развития. А для лечения болезни необходимо знать ее историю. Этим, а не только тем, что авторы – россияне, объясняется особое место истории экономики России в нашей книге.

Россия, по словам братьев Стругацких, «свернула со столбовых дорог цивилизации». Если говорить о цивилизации европейской, то это верно. Заметим при этом, что искать, вычленять в экономической истории «единый тракт», универсальный путь просто наивно, в чем легко убедится наш читатель.

До монгольского нашествия Киевская Русь, ее экономика развивались в общеевропейском направлении. Но монгольское иго, вернее, противостояние ему, это направление резко изменило. Централизованное государство в новой России, объединившейся вокруг Москвы, сложилось раньше,

чем появились экономические условия для его создания.

Но поскольку без экономики никакое государство существовать не может, оно принялось ее насаждать. Естественно, экономику административную. Отсюда в укладе хозяйства России и появились элементы «азиатского» или «древневосточного» способа производства.

Россия, однако, не была типичной страной «азиатского способа производства». Здесь имело место переплетение элементов западного и восточного путей развития. Можно выделить следующие «азиатские» черты в экономическом развитии России.

1. Общинные землевладения и традиции. Земля была собственностью общины и делилась между членами по принципу уравнительного землепользования. Принцип уравнительности, равенства определял и психологию крестьян. Нарушителя этого принципа называли кулаком, мироедом. Столыпину не удалось разрушить общину, чтобы перевести сельское хозяйство на фермерский путь предпринимательства. Декрет о земле закрепил общественную собственность на землю и уравнительное землепользование. Общинные традиции облегчили коллективизацию, которая была прямым продолжением этой же уравнительности.

2. На протяжении веков сохранилось господство государства в хозяйстве страны. Первые промышленные предприятия в XVI–XVII вв. были казенными. Петровские мануфактуры строились в основном государством, а для рождавших-

ся позже частных мануфактур была придумана уникальная форма посессионных предприятий, юридически считавшихся собственностью государства и управлявшихся государством. Первая фабрика в России была казенной, как и первые машиностроительные заводы. Первые железные дороги были построены казной. Кредитную систему России возглавил государственный банк, тогда как главные банки других стран были акционерными. И в результате Октябрьской революции единственным путем ликвидации капиталистической собственности стало ее превращение в государственную, хотя это и не соответствовало учению Маркса.

3. Царское самодержавие даже этимологически было вариантом восточной деспотии: царь не подчинялся законам, а его воля была законом для подданных.

Историю иногда называют полигоном экспериментов, и многое из того, что происходит с нами сейчас, в отечественной истории уже было. Был, в частности, и переход от административных методов управления к рыночной экономике, правда, в несколько иных исторических условиях. История – это огромная лаборатория, где ставились самые разные эксперименты. Это надо понять, а то, как предупреждает В. И. Даль, «прихотливые ломки да перестройки хоть кого разорят».

Корни социальных недугов человечеству свойственно искать в ближайшем прошлом. Для нас это Страна Советов. Там и ищем. Но, думается, корни эти значительно глубже.

Советская власть сама унаследовала как доблестные черты, так и пороки Российского государства. «Вторая», сталинская империя стала пышным и, смеем надеяться, последним расцветом азиатского способа производства. А ведь ему свойственна стагнация. Великие открытия совершаем мы, а пользуемся их благами другие. Так, бумага и порох появились в Древнем Китае (тоже азиатский способ), а книгопечатание, огнестрельное оружие, взрывные работы практиковались первоначально в Европе, а в Китай экспортировались.

Характерной особенностью Страны Советов стало и то, что мы создали «империю наоборот». Обычно центр империи живет за счет ограбления окраин. Мы же в угоду властным амбициям Кремля готовы были содрать последнее с населения центра в помощь «братьям по классу» аж на других континентах. Но и эта черта – наследственная, что мы попытаемся показать ниже. Болезни надо лечить. Иногда даже приглашают иностранных врачей, если у них клинический опыт больше. Академик Леонид Абалкин в одном из своих интервью говорил о том, что российские экономисты внимательно анализировали опыт всех «экономических чудес» мира, но убедились, что в чистом виде зарубежный опыт не применим в силу специфики российских недугов. Оно и верно, чтобы лечить, надо знать историю болезни.

Теперь вернемся к развитию экономической мысли. Сама по себе экономическая мысль появилась у человека одной из первых. Появилась как простой момент труда – целесооб-

разная деятельность. А вот теоретически она начала оформляться уже в зрелых, пусть и древнейших цивилизациях.

А. В. Аникин, безусловно выдающийся историк и популяризатор экономической мысли, отмечает, что «история общественных наук образует важный элемент политических знаний и общей культуры человека. Конечно, понятие культуры стало в наше время весьма широким. Может ли считать себя культурным человек, не имеющий представления, скажем, о законах термодинамики, строении Вселенной и структуре атома? Очевидно, нет. Но едва ли назовем мы таким и человека, который не знаком, хоть в самых общих чертах, с идеями философии и политической экономии XVIII–XIX вв., с борьбой материализма и идеализма, подготовкой теории прибавочной стоимости. А какое богатство идей, какое созвездие талантов представляет собой социализм до-марксовой эпохи! Как бы ни развивалась наука и техника, мы не должны и не можем забывать жизнь и труды этих людей¹. Достоинством настоящей книги, на наш взгляд, является то, что развитие экономической мысли читатель может проследить не просто на фоне, а в тесной связи с динамикой самой мировой экономики.

Он убедится, что смена цивилизаций – процесс закономерный. Падение римской цивилизации на территории Европы, например, надолго отбросило человечество назад и

¹ См. Аникин А. В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1979. С. 8.

по уровню его культуры, и прежде всего – по материальному уровню жизни. Не случайно новый качественный скачок европейского общества в своем развитии принято называть «ренессанс». Не случайно и то, что новые европейские мыслители Средневековья в своих раздумьях отталкивались от теоретического наследия древних греков и римлян. Другой «точки отсчета» просто не было. Экономическая мысль здесь – не исключение.

А. В. Аникин пишет: «Слово «экономия» (oikonomia, от греч. oikos – дом, хозяйство и nomos – правило, закон) является заглавием особого сочинения Ксенофонта, где в форме диалога рассматриваются разумные правила ведения домашнего хозяйства и земледелия. Такой смысл (наука о домашнем хозяйстве, домоводство) это слово сохраняло в течение веков. Правда, оно не обладало у греков таким ограниченным содержанием, как наше домоводство. Ведь дом богатого грека являлся целым рабовладельческим хозяйством, это был своего рода микрокосмос античного мира.

Аристотель употреблял термин «экономия» и производный от него «экономика» в этом же смысле. Он впервые подверг анализу основные экономические явления и закономерности тогдашнего общества и стал, по существу, первым экономистом в истории науки»².

Роль Аристотеля в науке вообще бесспорна. Но позвольте заметить, что в нашей книге впервые введены в научный

² Там же.

оборот экономической теории труды другого древнего грека – Гесиода. Этот автор, вполне признанный литературоведами, был абсолютно несправедливо обойден вниманием экономистов, а ведь его наблюдения за ведением хозяйства Древней Греции, размышления о его эффективности для нас просто бесценны.

Экономика как самостоятельная отрасль науки относительно молода. Достаточно сказать, что преподавание в качестве самостоятельного университетского курса началось с Адама Смита. «Экономическая история» еще моложе. Так, в России она получила «права гражданства» немногим более ста лет назад. У нас этот курс был прочитан впервые в Ярославском Демидовском юридическом лицее для будущих специалистов по финансовому праву. Поэтому не удивительно, что нам еще не раз придется открывать для себя первоисточники.

Удивительно другое. Откровенное пренебрежение к истории хозяйства и истории учений со стороны руководителей многих, как это ни странно, экономических вузов России. Удивительно сокращение читаемых курсов на фоне растущего интереса к экономике всего образованного населения страны.

Другим свидетельством общественного признания важности исторического направления стало введение нового экзамена кандидатского минимума – «История и философии науки» (в нашем случае – экономики).

Чтобы наша книга стала хорошим подспорьем соискателям ученой степени кандидата экономических наук, ее завершает обзор экономических воззрений ведущих философов от Античности до современности. Но книга адресована не только специалисту, авторы рискуют предложить ее вниманию самого широкого круга читателей.

Все критические замечания по книге будут приняты с благодарностью.

1. Хозяйство первобытного общества

История первобытного общества – это история экономики. Государства еще не было, поэтому мы не можем говорить об истории государства. По этой же причине мы не можем говорить об истории права. Основные источники, которые позволяют восстановить жизнь первобытных людей, – материалы археологии. Но они не содержат имен выдающихся деятелей. Даже вожди племен, как и сами племена, появятся лишь в конце истории первобытного общества. Этнографические материалы, которые позволяют восстановить некоторые стороны жизни первобытных людей по аналогии с сохранившимися очагами такой жизни, тем более не могут содержать сведений о политической жизни. Поэтому мы не можем говорить о политической истории первобытного общества, и все, что было до образования государства и письменной истории, до рождения цивилизации, принято считать предисторией.

Те же археологические и этнографические источники позволяют выяснить, как человек добывал себе средства существования, какими орудиями он при этом пользовался, как он питался. Одним из наиболее ценных археологических материалов являются «кухонные отбросы», места, куда выбра-

сывались остатки пищи. А история производства и распределения материальных благ, средств, существования – это история экономики. Только эта сторона истории сохранилась с первобытного времени.

Человек появился в Европе (точнее, не человек еще, а архантроп, как его принято называть) приблизительно 2 млн лет назад. Самое раннее орудие, найденное в Европе, имеет возраст 2,3 млн лет, самые ранние останки самого архантропа (фрагменты скелета) относятся ко времени 1,5–1,6 млн лет назад. Цивилизация в Европе возникла всего 3 тыс. лет назад. Таким образом, история первобытного человека, или предыстория, в Европе была в 600 с лишним раз длительней истории.

Чем ближе к нашему времени, тем короче археологические периоды. Нижний палеолит, т. е. ранний период древнекаменного века, первый период истории первобытного общества, продолжался 600 тысячелетий. Верхний палеолит, т. е. наиболее поздний отрезок древнекаменного века, длился «всего только» 30–36 тысячелетий. Неолит, новокаменный век продолжался только 3–4 тыс. лет, а бронзовый век, в ходе которого возникла цивилизация, всего только 1–2 тысячелетия. Темпы развития человеческого общества постоянно ускорялись.

В сущности, история первобытного общества – это история формирования человеческого общества, формирования самого человека. Это время, когда на смену неандерталь-

цу, сохранявшему еще много общего от обезьяны, приходит кроманьонец, очень мало отличавшийся от современного человека. Это время, когда из первобытного стада возникает родовой строй, когда охота и собирательство, «присваивающее» хозяйство, сменяется «производящим» хозяйством, земледелием и скотоводством.

И все это происходило в крайне трудных для человека условиях, в сущности, в условиях природной катастрофы – великого оледенения. И именно нарушение привычных условий жизни, необходимость адаптироваться к новым, суровым условиям, стали важным фактором становления человека и человеческого общества.

Льды наступали с севера. В периоды максимального оледенения они занимали половину Европы. Ледник доходил до Карпат, а его толщина в районе Скандинавии достигала 3 км. Льды наступали и отступали. Ледник наступал 6–7 раз, причем последнее наступление закончилось приблизительно 10 тыс. лет назад. Когда льды отступали, менялся климат, природные условия, растительный и животный мир.

До великого оледенения Европа была покрыта хвойно-лиственными лесами. В этих лесах бродили древние слоны, предки лошади, носороги, олени. С наступлением ледника и похолоданием лес сменялся тундрой, а животные, спасаясь от холода, покрывались густой шерстью, увеличивались в размерах. Это была «мамонтовая» фауна: мамонт, шерстистый носорог, пещерный медведь, северный олень. Ко-

гда начиналось потепление и ледник отступал, тундра снова сменялась лесом, и снова изменялся состав животного мира. Нужно учитывать, что межледниковые периоды длились 100–200 тысячелетий. Вспомним, что человеческая цивилизация в Европе насчитывает всего 3 тыс. лет, так что времени для полного обновления флоры и фауны было достаточно. Но это значит, что и для предков человека полностью менялись условия жизни, и снова и снова надо было приспособляться к новым условиям. Человек не покрывался шерстью, а для согревания использовал огонь и шкуры животных, совершенствовал свои жилища.

Почти вся история первобытного общества – это каменный век. Энеолит – медно-каменный век (V–IV тыс. до н. э.) существовал только на юге Европы, а в период бронзового века (III–II тыс. до н. э.) уже рождается государство и цивилизация.

Но почему каменный век? Ведь большинство орудий в это время изготовлялось не из камня, а из дерева, кости, рога, которые легче поддавались обработке. Но органические материалы, из которых были сделаны эти орудия, не сохранились до нашего времени. Дерево сгнило полностью за тысячелетия, а изделия из кости и рога остались лишь с конца каменного века. Поэтому археологи вынуждены делить каменный век на периоды, исходя в основном из техники изготовления каменных орудий: палеолит (древнекаменный век), который закончился приблизительно 10 тыс.

лет назад, мезолит (среднекаменный век), который охватывал IX–VI тыс. до н. э., и неолит – VI–V тыс. до н. э. Каждый из этих периодов принято делить на отрезки времени по названиям археологических памятников, расположенных на территории Франции: Шелль, Ашель, Мустье, Ориньяк, Солютре, Мадлен, Азиль, Тарденуаз. (Для заучивания названий этих отрезков студенты исторических факультетов придумали «страшное» слово: «шамосмат».) Делить развитие первобытного общества на такие хронологические отрезки, которые принято называть культурами, позволяет то обстоятельство, что памятники каждой из этих культур имеют общие черты, но отличаются от материалов других культур.

Конечно, развитие хозяйства первобытного человека шло не одновременно по всей Европе. На юго-востоке был уже неолит, а на севере и в центре еще сохранялся мезолит. И, как уже отмечено, энеолит был только на юге Европы.

Ранний, или нижний, палеолит (культуры Шелль и Ашель) начался 700–600 тыс. лет назад, закончился 100 тыс. лет назад. Это самый длинный этап в истории Европы, в 6 раз длиннее всей остальной истории. Он мог быть еще длиннее, потому что первые орудия, найденные в Европе, имеют возраст свыше 2 млн лет, но осторожные археологи отсекают этот начальный период. Первые орудия были настолько примитивны, что их трудно отличить от кремневой гальки, расколотой без вмешательства человека. Кроме того, отдельные находки не позволяют утверждать, что древний человек,

архантроп, постоянно жил в Европе до признанного начала палеолита.

Дело в том, что Европа не была колыбелью человечества. Здесь не было питекантропов. Предки человека появились первоначально в более теплых местах Азии и Африки. Сюда в Европу первые люди пришли из Африки, причем предполагается, что они проникали в Европу несколько раз. Расселились же они по Европе, точнее, по территории, не занятой ледником, только в период среднего палеолита.

Это были неандертальцы, в строении которых еще многое оставалось от обезьяны. Обычный рост их не превышал 155–165 см. Ходили они согнувшись: коленный сустав еще не позволял полностью выпрямить ноги. Объем мозга был таким же, как у современного человека, но слабо были развиты лобные доли. Мощные надбровные дуги, отсутствие подбородка дополняли облик этого архантропа.

Нижний палеолит в основном приходился на период до начала оледенения. Люди (мы их все же называем людьми, чтобы не повторять принятые термины: «архантропы», «гоминиды», «неандертальцы») еще не умели добывать огонь, занимались охотой и собирательством. Согласно одним предположениям, они охотились преимущественно на мелких животных, согласно другим – на крупных: слонов, диких лошадей, носорогов. Слонов загоняли в болото, а затем убивали деревянными копьями и дубинами. Вели они кочевой образ жизни, двигаясь за стадами животных, останавливаясь

на временных стоянках.

Принято говорить о первобытно-общинных отношениях, но общины, первой формы организации человеческого общества, еще не было. Это были стаи, подобные стаям современных человекообразных обезьян. Не было пока и семьи. Господствовал промискуитет – беспорядочные половые связи.

Как мы отмечали, основным критерием археологов для выделения того или иного периода каменного века служит техника обработки камня. В нижнем палеолите это техника сколов, или отщепов. От кремневой гальки откалывались пластины, в результате чего получалось универсальное оружие – ручное рубило. Оно было длиной до 35 см, имело заостренный конец, от которого отходили два лезвия, образованные сколами, а с противоположного от острия конца имело необбитую часть, пятку, которую можно было зажать в руке.

Такое рубило не годилось для охоты – оно было слишком коротким, чтобы противостоять клыкам и когтям животного. Для этого лучше подходили деревянное копье с заостренным концом или тяжелая дубина. Но рубилом можно было разрезать шкуру, разделить на куски мясо, разбить кости, чтобы извлечь костный мозг. При помощи рубила можно было также выкопать съедобные корни или разбить гнилое дерево, чтобы достать личинок.

Шелльские рубила еще очень грубы, обычно не имеют

правильной остроконечной формы. При обработке кремневой гальки результат достигался несколькими грубыми сколами. Орудия ашельского периода уже имеют более четкую форму. Мелкими сколами теперь обрабатывалась вся поверхность орудия. В результате мелкой оббивки, которую иногда называют ретушью, лезвие ашельских рубил было более прямым и острым. Ашельские орудия имели правильные миндалевидные треугольные или овальные очертания. Кроме простейших рубил появились остроконечники, скребла, которыми можно было очищать шкуру от мяса. Очевидно, теперь уже научились использовать шкуры животных для одежды и постелей.

Средний палеолит, культура Мустье, – от 100 до 40 тыс. назад – это время максимального оледенения. Леса на свободной от ледника территории сменила тундра, по которой бродили мамонты, шерстистые носороги, северные олени. Именно в этот суровый период люди расселились по Европе. Дело в том, что в это время человек научился добывать огонь, а это делало его независимым от капризов природы. Огнем люди пользовались и прежде, но это был огонь, полученный, например, во время лесных пожаров, начавшихся от молнии. Такой огонь приходилось поддерживать непрерывно, не давая ему угаснуть.

Способ добывания огня мог возникнуть при изготовлении орудий: удары по кремню вызывали искры, от которых мог загореться сухой мох, а при энергичной обработке сухого де-

рева оно могло нагреваться и тлеть.

Кроме временных стоянок и пещер, в которых селились люди раннего палеолита, теперь появились поселения людей под открытым небом. Каркас жилищ в таких поселениях делался из костей мамонта, покрытых шкурами, а внутри обязательно был очаг. Поскольку кости мамонта было бы сложно тащить на новое место, в таких жилищах люди жили длительное время.

Использование костей мамонта в качестве строительного материала свидетельствует, что охота на мамонта, как и на других крупных животных, была довольно успешной. Это была загонная охота, которая требовала объединения больших коллективов людей. С криками и шумом, с использованием огня, которого животные панически боятся, гнали стадо к обрыву, а затем добивали оставшихся в живых. Естественно, часть мяса при этом пропадала зря: нельзя было съесть все сразу, а заготавливать мясо впрок еще не научились.

Главным охотничьим оружием теперь стало копье с кремневым наконечником. Кремневые орудия становились все более разнородными и специализированными. Теперь в ход шли пластины, которые откалывались от первоначальной гальки – нуклеуса, их обрабатывали ретушью – откалыванием мелких чешуек кремня от будущего орудия. Таким образом изготавливались скребла, которые обрабатывались по режущему краю и служили для выскабливания шкур; остроко-

нечники, которыми было удобно пробивать отверстия, накопечники копий и даже что-то вроде ножей.

Общая охота, общий огонь объединяли людей. К этому времени относятся первые захоронения: член коллектива и после смерти не должен был стать добычей зверей. Об умершем надо тоже позаботиться.

На переходе к позднему палеолиту возникает родовая община. Это был матриархальный род. В условиях, когда установить отца ребенка было не всегда можно, родоначальницей была мать: она рожала и воспитывала детей, обеспечивала продолжение рода. В загонной охоте участвовали все, в том числе и женщины. А поскольку такие облавы случались не так уж часто, то собирательство (грибов, ягод, съедобных корней и т. п.), которое было делом женщин, играло едва ли не главную роль в пропитании.

О матриархате свидетельствуют и статуэтки женщин, в основном из кости, которые, правда, сохранились лишь с начала верхнего палеолита. Скульптурных изображений мужчин того времени не обнаружено. А поскольку половые связи между родственниками, т. е. членами своего рода, были уже под запретом, не жена переходила в род мужа, а муж переходил в род жены. Естественно, что мужу, окруженному родней жены, приходилось быть уступчивым.

Итак, главным достижением мустьерского человека было овладение огнем. Что касается облавной охоты, которая приобрела особенно важное значение в это время, то она,

очевидно, практиковалась и прежде, правда, в значительно меньших масштабах.

Верхний, или поздний, палеолит (культуры Ориньяк, Солютре, Мадлен) продолжался 30 тысячелетий, с 40 до 10 тыс. до нашего времени, т. е. был вдвое короче среднего палеолита. На смену неандертальцу в это время приходит кроманьонец, который антропологически уже не отличался от современного человека, поэтому именно к верхнему палеолиту принято относить рождение *homo sapiens*. Этот скачок в антропологическом строении человека смущает ученых, тем более что какое-то время неандерталец и кроманьонец сосуществовали. Но нет оснований предполагать, что кроманьонцы были пришельцами извне (откуда?). Очевидно, все же неандертальцы преобразились в кроманьонцев в процессе эволюции.

Природные условия пока изменились мало. В начале верхнего палеолита (Ориньяк) продолжалось оледенение, затем наступило относительное потепление (Солютре), которое сменилось новым наступлением ледника (Мадлен).

Основным занятием людей по-прежнему оставалась охота на крупных животных способом загона, но теперь кроме естественных обрывов использовались искусственные ямы-ловушки. К этому времени относится изобретение лука и стрел с кремневыми наконечниками. Эти наконечники делались из тех пластин, которые откалывались от кремневой гальки – нуклеуса.

Именно эти пластины теперь использовались для изготовления орудий. Поскольку с луком и стрелами охотиться на мамонта бесполезно, очевидно, все больше практиковалась охота на относительно мелких животных.

От мадленского периода сохранились костяные иглы с отверстиями для нити. Это отчетливо свидетельствует об изготовлении одежды из шкур. Использование пещер для жилья еще продолжалось, но теперь преобладали поселения под открытым небом. Обычное поселение, которое занимала родовая община, состояло из 10–12 каркасных жилищ, покрытых шкурами, причем для каркаса по-прежнему использовались кости мамонта.

Поскольку основным занятием оставалась охота, были необходимы большие охотничьи угодья. Считается, что для минимальной общины в 25 человек требовалась охотничья территория в 1250–2500 кв. км. Естественно, что плотность населения была крайне мала. В Центральной Италии, например, один человек приходился на 50–100 кв. км.

Но наибольшие изменения в верхнем палеолите произошли в интеллектуальной сфере (недаром человека этого времени уже называют *homo sapiens* – человек разумный). Именно к этому времени относятся наскальные изображения, которые сохранились преимущественно в пещерах. Нас поражает передача динамики, экспрессии в изображении животных, которые совсем не похожи на детские рисунки. Между тем эти изображения имели разовое магическое зна-

чение. Изображая бизона, пораженного стрелами и копьями, первобытный художник предсказывал удачную охоту.

Теперь уже не просто хоронили людей, но в могилу с человеком клали оружие и украшения для загробной жизни. Это было зачатком религиозных представлений.

Мезолит, среднекаменный век (культуры Азиль и Тарденуаз), продолжался с IX по VI тыс. до н. э. Эта датировка довольно условна: в то время как на основной территории Европы оставался мезолит, Южная Европа уже переходила к неолиту.

Великое оледенение закончилось, льды отступили. На месте тундры снова выросли леса, гигантские травоядные – мамонт, шерстистый носорог – вымерли. Объектами охоты теперь были косули, кабаны, лоси. Они не ходили большими стадами. На этих животных надо было охотиться в лесах в одиночку, что было значительно труднее загонной охоты, поэтому охота все более дополняется рыболовством и снова повышается роль собирательства. Женщины собирают плоды, в том числе фисташки, миндаль, семена бобовых. Рыбу ловят сетями, бьют острогой. Следствием развития рыболовства стало изобретение лодки. Это были долбленки из одного ствола, но сердце-вина ствола не столько выдалбливалась, сколько выжигалась, а потом посредством выпаривания и распорок стенки отгибались наружу.

Поскольку охота на одиночных животных не требовала объединения больших коллективов людей, теперь люди се-

лились маленькими группами – по 6-18 человек. А благоприятные демографические условия способствовали увеличению плотности населения. Например, между Одером и Эльбой эта плотность составляла 1 человек на 30–80 кв. км.

Совершенствовалась и техника обработки камня. Если прежде произошел переход от рубил, которые готовились из гальки – нуклеуса, к изготовлению орудий из пластин, которые откалывались от этого нуклеуса, то мезолит – это век микролитов и составных орудий. Микролиты, т. е. мелкие осколки кремня, теперь не только использовались в качестве наконечников стрел и копий, но вкладывались в костяную или деревянную основу орудия, образуя зубцы на его поверхности. При этом сочетались твердость и острота кремня с удобством для держания кости или камня.

Последний этап каменного века, неолит, длился с VI по V–IV столетия до н. э. Эпоха неолита была столь важной для развития человеческого общества, что этот период принято называть «неолитическая революция»: в это время происходит переход от «добывающего», или «присваивающего», хозяйства, охоты и собирательства к «производящему» земледелию и скотоводству. Если до этого человек только брал то, что для него приготовила природа, то теперь он сам производил необходимые для себя продукты.

Мезолитом (точнее, тарденуазом) заканчивается хронологическое выделение культур. Теперь уже несколько культур в разных частях Европы, различавшихся характером кера-

мики, погребений, жилищ, существовало одновременно, и эти культуры служили зародышем образования будущих народов.

Производящее хозяйство, земледелие и скотоводство сначала на рубеже VII и VI тыс. возникло на юге, на Крите и в Греции. Затем оно продвигалось на север и достигло Дании и Швеции к середине IV тыс. до н. э. Потребовалось свыше двух тысячелетий, чтобы это производящее хозяйство пересекло Европу с юга на север.

Переход к производящему хозяйству означал рост производительности труда и появление прибавочного продукта. Земледельцы жили благополучнее охотников. С увеличением их численности они двигались на новые земли, земли охотников. Для самих охотников преимущества земледелия не были очевидными. Вольная жизнь в лесах, охотничий азарт и удача – все это было не только привычно, но и представлялось более приятным, чем нудный труд земледельца. Вражды между охотниками и земледельцами не было: они не были конкурентами в добывании продуктов питания. Как уже говорилось, для охотничьей общины были необходимы многие десятки квадратных километров охотничьих угодий. На этом фоне земледельческие хозяйства были совсем небольшими: поля и пастбища располагались не далее чем в часе ходьбы от селения.

Земледелие было подсечно-огневым, но существенно отличалось от более поздних форм подсечно-огневой системы.

Крупные пни и большие деревья оставлялись: при тогдашнем уровне техники их выкорчевать было невозможно. Почва не вспахивалась, а лишь слегка взрыхлялась мотыгами. Семена не разбрасывались по полю, а зарывались в землю, удобренную золой. Выращивались ячмень, полба, бобы, горох, лен. В отличие от скотоводческих племен Азии и Африки животноводство у европейцев лишь дополняло земледелие. Разводился в основном мелкий скот — козы и овцы. В отличие от охотников, для которых были характерны временные стойбища, земледельцы жили стабильными селениями. Такое селение в среднем насчитывало около 100 жителей, и его хозяйственные угодья не превышали 50-100 га.

Примером может служить селение Ниа-Никомедия (название дано археологами) в Северной Греции. Поселок занимал половину гектара и состоял из 15 домов в среднем по 64 кв. м.

В каждом доме жила семья из 5–7 человек, а всего в поселке насчитывалось около 100 жителей. Дома были деревянными, из дуба и вяза. Основной конструкции являлись столбы, причем внешние ряды столбов, которые служили основой стен, дополнялись внутренним рядом столбов, которые поддерживали крышу. Даже полы в этих жилищах были не земляными, а деревянными. Очевидно, такое селение занимала община из кровных родственников.

Прогресс в обработке камня (а ведь еще продолжался каменный век) заключался в появлении шлифованных и свер-

ленных орудий. Типичный пример таких орудий – шлифованный каменный топор с высверленным отверстием для топорща. По расчетам археологов (они сами для эксперимента шлифовали и сверлили), для изготовления такого топора требовалось затратить не один год.

Важным техническим достижением неолита было появление керамики – сосудов из обожженной глины. Правда, гончарного круга пока еще не изобрели. Сосуды изготавливались преимущественно спирально-жгутовым способом; глиняные жгуты в 3–4 см толщиной налеплялись по спирали, образуя стенки будущего сосуда. Иногда скатанные из глины кольца налеплялись и не по спирали. Такие сосуды у разных племен имели разную форму и по-разному украшались – ямками, вдавленными в глину линиями. Это обстоятельство послужило для археологов критерием для выделения отдельных культур неолита и последующих периодов. Дело в том, что при раскопках, начиная с этого времени, самым массовым видом находок становятся обломки глиняных сосудов.

Время металла начинается в Европе с энеолита – медно-каменного века (V–IV тыс. до н. э.). Но энеолит прослеживается только на юго-востоке Европы. На остальной территории продолжался неолит, который в дальнейшем сменился бронзовым веком. Металлургия меди возникла в районе Эгейского моря в V тыс. Но медь – слишком мягкий металл и к тому же слишком дорогой для изготовления орудий

производства. Поэтому из меди делали украшения, и лишь редко использовали ее для изготовления оружия.

Между тем там, в юго-восточном углу Европы, продолжался стремительный (стремительный – по сравнению с прежними временами) технический, экономический и культурный прогресс. Здесь появился ткацкий станок и уже изготавливались шерстяные и льняные ткани. Возникли большие поселения, численность населения которых достигала нескольких тысяч человек. В центре такого поселения, на возвышенном месте, располагался акрополь – укрепленная ровом и крепостным валом часть города. В таком городе уже были улицы и даже площади на их перекрестках. Слово «город» мы здесь употребляем условно, это были скорее зародыши будущих городов.

Бронзовый век, или эпоха бронзы, начинается на берегах Эгейского моря в III тыс. до н. э. и в течение II тыс. распространяется почти на всю территорию Европы. Но бронзовый век – это уже время рождения государства и цивилизации. Это крито-микенская культура, которую мы будем рассматривать за рамками этой главы, да и гомеровские греки использовали еще бронзовые орудия. Поэтому мы рассматриваем бронзовый век как период разложения первобытно-общинного строя и рождения государства.

Одним из главных достижений материальной культуры этого времени было развитие металлургии бронзы, т. е. добычи оловянных и медных руд, выплавки этих металлов и

изготовления сплавов из них. Но и бронза была слишком дорогим металлом для изготовления орудий труда. Из бронзы делались в основном украшения и оружие.

Пожалуй, главным сдвигом в области техники производства стал переход от мотыжного земледелия к пахотному. Поскольку вспахать можно было гораздо больше земли, чем обработать мотыгой, увеличилось производство хлеба и других продуктов.

Для вспашки требовалась тяговая сила – не козы и овцы, а крупный рогатый скот. Пока что пахали преимущественно на волах. Лошадь имела другое предназначение – она использовалась в боевых действиях и в качестве транспортного животного. В животноводстве возрастала доля крупных животных, и в целом повысилось значение животноводства в сельском хозяйстве. Если земля пока была немеряной, а к тому же пахотная земля находилась в общинной собственности, то скот был в частной собственности и стал олицетворением богатства.

Пахотным земледелием и скотоводством занимались мужчины. Еще больше повышали их роль военные столкновения: они были еще и воинами – защитниками. Переход от материнского рода к отцовскому, который начался значительно раньше, теперь завершился.

Да и сам род существенно изменился. Те времена, когда вся добыча – продукты охоты, собирательства и земледелия – поступала в общее распоряжение, ушли в прошлое. Как

уже сказано, скот был уже собственностью отдельных семей. В собственности семьи находилось и жилище со всем имуществом. В общей собственности оставалась земля, но пашня делилась между членами рода, и урожай шел не в общие закрома, а в распоряжение той семьи, которая собрала его со своего участка.

Все это – и повышение роли скотоводства, и переход к пахотному земледелию, и выделение отдельных семей из общего хозяйства рода – отражало то обстоятельство, что повысилась производительность труда и появился прибавочный продукт, появилось богатство, которое можно было захватить. Усиливаются военные столкновения, первоначальная цель которых – захват добычи.

Селища (археологический термин, который означает неукрепленное поселение) сменились городищами – селениями, окруженными земляным валом с палисадом – деревянной крепостной стеной. Такие городища обычно строились на местах, укрепленных природой: на возвышенностях с крутыми склонами, на стрелках при слиянии рек (в этом случае было достаточно укрепить валом и палисадом лишь одну сторону). Среди археологических находок появляется много оружия: мечи, копья, шлемы.

В связи с этим род, родовая община, отходит на задний план. Силами такой общины невозможно совершить грабительский набег или защититься от такого набега. На первый план выходит племя – объединение родственных общин. А

поскольку такое объединение имеет военные задачи, главой племени становится военный вождь, т. е. человек, который проявил себя храбрым воином и способным военачальником. В его выдвижении (выборе) участвуют не все члены племени, а лишь мужчины – воины. Так складывается строй военной демократии, который у всех европейских народов был шагом к образованию государства, предшествовал этому образованию.

Вокруг такого вождя естественным путем формируется группировка опытных воинов, на которых он опирается, которые составляют ядро войска племени. Эта военная верхушка не только лучше вооружена, чем остальные члены племени, но выделяется и имущественным положением: ведь именно они захватывают и делят военную добычу. Уравнительные принципы общинного строя слабеют.

Уже в период энеолита кроме общинных селений – городищ – появились более крупные селения, центром которых являлся укрепленный акрополь. Есть все основания предполагать, что такие селения были центрами племен, а акрополь являлся резиденцией вождя и его дружины.

Подробнее основные черты строя военной демократии мы будем рассматривать, когда речь пойдет об образовании государств: Древней Греции, Древнего Рима, Киевской Руси.

Итак, развитие первобытного общества в Европе происходило в условиях природной катастрофы – великого оледенения. Из этого отнюдь не следует, что этот катаклизм, за-

ставив человека адаптироваться к новым условиям, ускорил развитие. Оледенение не распространялось на страны будущего «азиатского способа производства», однако там цивилизация возникла раньше, чем в Европе. Заслуга европейцев в другом — в том, что они смогли пройти свой путь к цивилизации даже в этих трудных условиях.

Вся история первобытного общества укладывается в рамки каменного века, потому что с его завершением начинается переход к государству. Появление металлургии, сначала меди и бронзы, было лишь составной частью такого перехода.

За время каменного века человек совершил целый ряд изобретений и открытий, выделивших его из мира животных. Уже само появление каменных орудий было революцией: ведь человек их делал, изготавливал, а не брал в готовом виде, так что уже в этом был зародыш перехода от присваивающего к производящему хозяйству.

Не менее важное революционное значение имело изобретение способа добывания огня и строительства жилищ. Дело не только в том, что это обеспечило человеку выживание в условиях оледенения. Если пещеры для него приготовила природа, то жилище с очагом надо было строить, производить.

Вспомогательное значение имело изобретение лука и стрел, иглы и ткацкого станка, керамических сосудов. Все это изготавливалось, производилось, а не заимствовалось у

природы. Так что переход к земледелию и скотоводству был лишь завершением процесса становления производящего хозяйства.

И все же техника первобытного общества была настолько низкой, что человек не мог производить прибавочного продукта: все, что он производил своим трудом, он сам и потреблял (охота и собирательство – тоже труд). Конечно, человек добывал этот минимум необходимого для себя в составе группы таких людей: стая, община, семья. Ведь надо было кормить детей и стариков, и если один охотник приходил без добычи, то другой добывал больше, чем было необходимо ему. Это и было основой общинных отношений: человек неминуемо погиб бы, если на его долю не приходилась бы часть общей добычи. Но в среднем добыча соответствовала потребностям общины, и существенных излишков не было.

Именно отсутствие прибавочного продукта было основой «первобытного коммунизма», уравнительного распределения материальных благ. Без прибавочного продукта была невозможна эксплуатация чужого труда: нельзя эксплуатировать человека, который сам потребляет все, что производит. Без прибавочного продукта была невозможна и цивилизация – городская жизнь, ремесло, наука, потому что каждый должен примитивно добывать пищу.

Как рождалась цивилизация? По мере технического прогресса росла производительность труда, порождая прибавочный продукт. Теперь за счет этого прибавочного продукта,

излишков, могли существовать люди, которые сами не занимались добыванием пищи. Их руки и голова были освобождены для других занятий: они могли изготавливать ремесленные изделия, наниматься наукой, искусством. С появлением этого нового слоя людей прогресс человечества резко ускорился. Однако для того, чтобы эта новая группа людей могла существовать, необходимо было отобрать прибавочный продукт у тех, кто его производил, и передать этим новым людям. А это было возможно лишь при разделении общества на классы и рождении государства.

Завершением перехода к цивилизации в Европе стала «железная революция» – появление железных орудий труда. Медь и бронза еще не совершили такой революции, потому что еще не охватили сферу производства.

Но не следует преувеличивать значение этой революции для рождения цивилизации. Во-первых, она имела значение только для Европы. Древневосточные цивилизации не только возникли, но и испытали расцвет до этой революции.

Во-вторых, и в самой Европе античная цивилизация появилась до возникновения металлургии железа. Здесь прибавочный продукт появился уже в результате «неолитической революции», а в дальнейшем его доля лишь увеличивалась. Это, в частности, и позволяет нам ограничивать рамки первобытной истории каменным веком.

Но переход к цивилизации в Европе и странах Востока происходил разными путями, и это различие в генезисе ци-

визации отразилось на дальнейшей истории.

В Европе государство возникло из строя военной демократии как объединение для защиты и нападения. В хозяйственные дела оно почти не вмешивалось. При строе военной демократии каждый взрослый мужчина был воином. Он мог постоять за свои права, его нельзя было заставить работать на другого, обратить в раба. Можно было эксплуатировать лишь захваченных на войне пленных, обращая их в рабов.

А общинные отношения уже разрушались. В общине уже возникла частная собственность – на скот, на приусадебное хозяйство, на урожай со своего поля. Это создавало условия для рождения частной собственности на землю, для проявления личной предприимчивости, хозяйственной инициативы.

На Востоке важнейшей функцией государства было строительство оросительных систем, которые и обеспечивали получение высокого прибавочного продукта. Для этого требовалось объединить трудовые усилия населения речной долины, используя традиционные общинные порядки. Общественные работы, коллективный труд на благо общины превратились в государственную трудовую повинность. Власть общины над личностью усиливалась, в то время как сама община все более подчинялась государству, представляя его ячейку.

Земля без воды, без орошения в климатических услови-

ях стран Древнего Востока ценности не представляла, поэтому государство, верховный собственник оросительных систем, становится верховным собственником и земли, а значит, ее недр и того, что на ней растет. Следствием сочетания государственной собственности на землю и государственного управления общественными работами стала собственность государства на все хозяйство страны, иными словами, сложилась централизованная государственная система хозяйства.

Усиление государства, в основе которого лежали общинные отношения (общественная собственность, общественные работы), означало одновременно и усиление общинных порядков. Интересы отдельного человека были подчинены общественным интересам, интересам общины и государства. Сила традиций, характерных для общинных отношений (все должно делаться так, как было при отцах и дедах), сковывала, подавляла личную предприимчивость.

Так сложилось два главных направления хозяйственного и общественного развития – путь Востока и путь Запада.

2. Экономика Древнего Востока

2.1. Страны Древнего Востока

Первые государства на Земле, первые очаги цивилизации возникли в странах с жарким климатом, в долинах рек с плодородными наносными почвами: в долине Нила, в долинах Тигра и Евфрата, Инда, в лессовых долинах китайских рек. Эти государства и принято называть государствами Древнего Востока.

Очаги европейской цивилизации возникли гораздо позже. Если всю историю человечества от рождения первых государств до наших дней разделить на две равные части, то окажется, что вся первая половина истории – это только история стран Древнего Востока. Античная, западная, цивилизация родилась лишь на середине истории.

Почему восточные государства возникли так рано? Потому что жаркий климат в сочетании с плодородными наносными почвами позволял получать высокий прибавочный продукт даже при низкой технике земледелия, до той «железной революции», которая сыграла решающую роль для перехода к цивилизации в Европе. А прибавочный продукт – главное условия перехода к классовому обществу, государству и цивилизации. Без прибавочного продукта невозмож-

на городская жизнь, наука, искусство.

Но получать этот высокий прибавочный продукт от земледелия в странах Востока было возможно лишь при строительстве ирригационных систем: неорошаемая земля – это в жарком климате бесплодная пустыня.

Но для строительства таких систем надо было объединить силы населения речной долины, организовать совместную работу многих общин. Такое объединение и послужило основой рождения государств.

Государства Древнего Востока имели принципиальные отличия от античных рабовладельческих государств:

1) рабы не составляли там главную производительную силу общества, т. е. материальным производством, сельским хозяйством и ремеслом занимались не рабы, а люди, которые считались свободными;

2) там не было частной собственности на землю. Земля находилась в общинно-государственной собственности;

3) государство там приобрело форму «восточной деспотии», т. е. бесправия жителей перед лицом государства.

Причины этих особенностей таились в общинных отношениях. В странах Запада община распадалась при переходе к государству. Члены общины, которые прежде имели землю в общей собственности, делили землю в частную собственность, и каждая семья стала вести свое хозяйство. Общей осталась лишь обязанность защищать эту землю и свой народ с оружием в руках.

На Востоке так получиться не могло: ирригационные работы требовали коллективного труда. Но поскольку земля без воды ценности не представляла, то сохранилась и коллективная собственность на землю. Община сохранилась внутри государства.

Само государство, как уже сказано, возникло из необходимости объединить силы для строительства оросительных систем. Естественно, что эти системы стали государственной собственностью, а поскольку земля без орошения ценности не представляла, то и верховным собственником земли тоже становилось государство. Общинная собственность превращалась в государственную, оставаясь общинной, и государство возникало как объединение общин. Община при этом становилась ячейкой государства, инструментом эксплуатации общинников правящей верхушкой.

Обязанность людей трудиться на благо общины превратилась в государственную трудовую повинность. А поскольку все население работало на государство, труд рабов там играл второстепенную роль.

Античный рабовладелец должен был раба купить, потом кормить, одевать, и конечно, он содержал лишь столько рабов, сколько было необходимо для его хозяйства. А в распоряжении восточных владык находилась огромная армия даровых работников. Этим людей не надо было покупать, кормить, одевать. Эту массу дарового труда можно было использовать очень расточительно, для государственных работ

большого масштаба. Поэтому там и строились такие колоссальные сооружения, как египетские пирамиды и грандиозные храмы и дворцы.

Следствием сочетания государственной собственности на землю и государственного управления общественными работами стала собственность государства на все хозяйство страны. Иными словами, сложилась централизованная государственная система хозяйства.

Для управления общественными работами требовался мощный бюрократический аппарат, который также был характерен для стран Востока.

Но если на Востоке рабы не составляли основную производительную силу общества, можно ли эти государства называть рабовладельческими?

Очевидно, нельзя. К. Маркс и Ф. Энгельс выделяли эти страны в особый, «азиатский способ производства». Поскольку этот термин введен основоположниками марксизма, очевидно, его следовало рассматривать как составную часть марксистской теории? Тем не менее в советской исторической науке «азиатский способ» не был принят как официальный. Он выпадал из системы исторического материализма, согласно которой все народы должны проходить один путь, одни и те же стадии развития: рабовладельческий строй, феодализм, капитализм... А тут параллельно генеральному направлению оказывается «азиатский способ», где нет ни рабовладельческого способа, ни феодализма. К тому же «ази-

атский способ» чем-то напоминал наш государственный социализм.

«Азиатский способ» (мы будем употреблять этот термин для обозначения особенностей экономического развития стран Востока) – не альтернатива рабовладельческой формации. В тот период, который на Востоке соответствовал европейскому феодализму, там сохранялись основные черты «азиатского способа». Сохранялись общинные отношения, сохранялась общинно-государственная собственность на землю. А это значит, что там не было феодалов: ведь феодал – собственник земли, да еще с крестьянами. Крестьяне подчинялись непосредственно государству через систему государственной администрации, платили государству высокие налоги, выполняли государственную трудовую повинность, и за счет всего этого существовала правящая верхушка, только не феодальная, как в Европе, а бюрократическая.

Бюрократическая, потому что сохранялась господствующая роль государства в экономике и требовался аппарат не только для управления государственным хозяйством, но и для контроля над всем хозяйством страны. Прямым следствием этого было продолжение восточной деспотии, т. е. бесправия жителей страны перед лицом государства.

Но экономическое развитие стран Востока затормозилось. Это принято называть «восточная стагнация». И европейские народы, которые пришли к цивилизации гораздо позже, быстро обогнули Восток в экономическом развитии,

в результате чего страны Востока попали в экономическую, а частично и политическую зависимость от Запада.

Именно европейские ученые (Ньютон, Дарвин и др.) заложили основы современной науки. Именно в Европе был изобретен паровой двигатель и заложена основа машинной индустрии. Порох был известен уже в Древнем Востоке, но только в Европе с изобретением огнестрельного оружия он совершил революцию в военном деле. Бумага уже с древности была известна в Китае, но только в Европе с изобретением книгопечатания она породила взрыв информации.

В чем заключались причины «восточной стагнации»? В сохранении общинных отношений. Общинные отношения означали, что интересы общества (общины, а в конечном итоге – государства) ставились выше интересов отдельного человека и подавляли личную инициативу и предприимчивость. Общинные отношения означали замороженные на века традиции: все должно делаться так, как было при отцах и дедах. Например, если в индийской деревне отец и дед были цирюльниками, сын мог быть только цирюльником, все остальные пути были для него закрыты. Сохранялось господство общественной собственности на землю, но в условиях, когда земледелие еще оставалось основной отраслью хозяйства, для развития экономики была нужна частная собственность на землю.

Такова схема основных особенностей экономического развития стран Востока. В истории разных государств и на

разных этапах развития она проявлялась по-разному. В одних случаях это был огромный государственный сектор хозяйства, в других главную роль играла прямая эксплуатация государством общинников – земледельцев, причем община превращалась в административную ячейку. В некоторых случаях, особенно с развитием товарно-денежных отношений, на Восток проникали элементы европейской экономики, и особенности «азиатского способа производства» проявлялись лишь частично. Но общим для стран Древнего Востока было то, что рабовладельческие отношения здесь играли второстепенную роль, а господствующая верхушка существовала за счет эксплуатации основной массы земледельцев.

2.2. Шумер

2.2.1. Заря цивилизации

Колыбелью европейской цивилизации была крито-микенская культура. Но переход к цивилизации человеческого общества вообще начался с Шумера, с низовьев рек Тигра и Евфрата. Здесь раньше, чем где бы то ни было, возникли города-государства – уже в IV тыс. до н. э. Здесь раньше, чем в других местах, родилась письменность – на рубеже VI и III тыс. до н. э. Вавилон и Ассирия заимствовали эту письменность у шумеров, а с ней – и значительную часть культуры и мировоззрения. Знаменитый кодекс Хаммурапи был, в сущности, компиляцией из шумерских законов.

Не удивительно, что с Шумером связаны и библейские сюжеты. Отсюда была заимствована легенда о всемирном потопе и ноевом ковчеге. Потоп не был всемирным, затоплена была только территория Шумера. Во время весенних разливов Тигр и Евфрат действительно затопляли всю эту низменность, так что на поверхности оставались только холмы, на которых располагались населенные пункты. Но когда разлив сопровождался ураганным ветром с моря, они покрывались водой. Это было местное наводнение, но для шумеров весь мир и составляла их земля, поэтому для них это был миро-

вой потоп, и даже свою историю они разделяли на два периода: до потопа и после потопа.

А Ной жил в шумерском городе Шуруппаке. Только звали его не Ной, а Ут-Напиштим. В клинописных записях сохранилось предание о том, что бог приказал Ут-Напиштиму: «Ты, человек из Шуруппака, построй себе корабль, брось свое имущество и спасай свою жизнь! Возьми с собой на корабль немного семян всего живущего!» [12, с. 150]. И на землю сошел Ут-Напиштим не у Арарата, а у горы Нисир восточнее Тигра.

В Библии упоминаются многие города Шумера. Например, библейский патриарх Авраам жил в городе Ур, и лишь оттуда он переселился в Ханаан.

2.2.2. Природа

Какие обстоятельства послужили причиной столь раннего возникновения городов и государства? Тигр и Евфрат во время ежегодных разливов приносили сюда массу плодородного ила, покрывая им прилегающую местность. Это плодородие возобновлялось каждый год без каких-либо усилий со стороны людей. К тому же аллювиальные почвы – мягкие, такие почвы легко обрабатывать. Результат – сказочная урожайность. Уже в III тыс. до н. э. средняя урожайность зерновых здесь составляла сам-36, иногда доходя до сам-104, тогда как в период расцвета Римского государства в Италии I–

II вв. до н. э. она составляла только сам-6, а в России в середине XIX в. – сам-3,5 [1, с. 43].

Такая высокая урожайность обеспечивала получение большого прибавочного продукта, без которого невозможен переход к цивилизации, невозможно отвлечение значительной части людей от производства продуктов питания и необходимых предметов потребления. Высокий прибавочный продукт в Шумере позволял занимать значительную массу населения на строительстве ирригационных систем, строительстве грандиозных храмов – зиккуратов. Это были столь значительные сооружения, что породили легенду о вавилонском столпотворении.

Для строительства только одной террасы храма в городе Уруке (о котором, между прочим, Библии тоже говорится) требовалось, чтобы 1500 человек работали по 10 часов в день в течение 5 лет [13, с. 206].

Но здешние места стали обильными и богатыми лишь в результате деятельности человека. Изначально они были не приспособлены к жизни людей. Как уже говорилось, Шумер регулярно затопляли воды Евфрата и Тигра, а после спада воды оставалась цепь болот. В этих условиях заниматься земледелием было невозможно.

Первые орудия человека – это дерево и камень. Но на этой болотистой равнине не было месторождений камня. Лесов здесь тоже не было, поэтому дерево считалось ценностью. Покидая свое жилище из глины и тростника, хозяева заби-

рали с собой деревянную дверь. И когда герой здешнего эпоса Гильгамеш, военный вождь Урука, отправляется в поход на город Киш, окруженный лесом, он заявляет: «Нарублю я кедра» [15, с. 24].

Здесь в изобилии была только глина, и поэтому все делали из глины: жилища, крепостные стены, дворцы и даже серпы. Казалось бы, глина – наименее подходящий материал для режущих орудий, тем не менее и серпы здесь были из обожженной глины.

Глина послужила и материалом для письма, причем материалом очень устойчивым: ведь она, будучи обожженной, не гниет и не горит. И Шумер нам оставил огромные глиняные архивы.

Но все же орудия каменного века – это камень и дерево, поэтому в период каменного века Шумер не был заселен. Человек здесь появился лишь в период энеолита.

2.2.3. Храмовое хозяйство. Рождение письма

Люди сюда пришли в V тыс. до н. э. с гор, расположенных восточнее Тигра. Для своих горных богов они стали здесь строить искусственные горы – зиккураты.

Селились они, конечно, на холмах, и эти селения стали основой будущих городов. Так возникла культура Убейд. С самого начала, т. е. уже в V тыс. до н. э., им пришлось зани-

маться мелиорацией, потому что без этого здесь земледелие было просто невозможно. Особенность здешних мест заключалась в том, что надо было не только орошать поля, но и прежде всего осушать их, освобождать от воды, затоплявшей землю во время разливов, осушать болота. И делать это надо было постоянно: даже при кратковременном прекращении мелиоративных работ поля заболачивались.

По представлениям шумеров земля – это местность, пересеченная каналами, и только прорытием каналов был завершен процесс мироздания.

В Западной Европе достаточно было примитивно обработать прилегающую к общинному поселению землю и засеять ее. Общинное хозяйство было самодостаточным. Земледелие не требовало дальнейшего объединения. А здесь было невозможно вести мелиоративные работы силами маленькой общины. Нужно было, чтобы кто-то объединил труд огромной массы людей, организовал проведение мелиоративных работ. Это и привело к возникновению государственной власти. Мелиорация стала главной ее функцией. И цари городов-государств Шумера в описании своих деяний обязательно подчеркивали, что они прокладывали каналы.

Переход к государству начался с храмового хозяйства. Первым общественным сооружением, которое возводилось в поселении на холме, был храм – зиккурат. Он становился центром хозяйственной жизни.

Поскольку сохранялись общинные отношения, то суще-

ствовал общественный фонд – запасы продовольствия и предметов, которые были общими для жителей селения. Естественным местом хранения этих запасов были помещения храма. Организация мелиоративных работ оказывалась также в ведении храма. Таким образом, в руках храмового персонала оказалось сосредоточено «общественное дело». И значение этого «общественного дела» определяло мощь жрецов.

Вся земля считалась собственностью бога, но та пашня, которая вводилась в оборот путем строительства мелиоративных сооружений под руководством храма, оказывалась под прямым контролем жрецов.

Впрочем, первоначально земледельческие работы не входили в состав храмового хозяйства. Земледелием занимались свободные общинники, но определенную часть урожая они должны были отдавать на содержание храма, т. е. жрецов и обслуживавшего их персонала.

Кроме этой натуральной повинности, жители селения должны были исполнять трудовую повинность, т. е. участвовать в строительных работах и работах по сооружению и содержанию в порядке мелиоративных систем.

Как уже сказано, при храме и в самом храме жили не только жрецы, но и обслуживавший их персонал: молольщицы муки, пекари, повара, мастера по изготовлению одежды и украшений. Правда, ремесло в составе храмового хозяйства играло второстепенную роль.

Поскольку в храмах находились склады жизненных припасов, то при них были и «заведующие складами», которые вели учет поступления этих припасов и их расхода. Невозможно было все это держать в памяти, и в процессе этого учета рождалась письменность.

Самые ранние документы, относившиеся к концу IV тыс. до н. э., были обнаружены при раскопках города Урука. Это было еще пиктографическое письмо – условные рисунки, обозначавшие тот или иной предмет или действие. Со временем рисунки становятся все более условными и перерастают в клинопись. Знаки наносились тростниковой палочкой на глиняной плитке (табличке или таблетке). Письменные знаки получались в виде клинышков. Потом табличка обжигалась.

Поскольку эти таблички возникли для учета запасов, а потом для распределения земельных участков, они отражали в основном экономическую жизнь общества. Потребность в письме была столь важной, что уже в начальный период шумерской цивилизации при храмах действовали школы писцов, причем автором учебных пособий обычно был глава храмового хозяйства – сангу.

2.2.4. Энсиальное хозяйство

Между тем общинные отношения сохранялись, и кроме храма, действовал второй центр общественной жизни – со-

вет старейшин. Такое «двоевластие» рождало определенные противоречия и привело к переходу от храмового хозяйства к энсиальному.

В общинных отношениях рождались элементы строя военной демократии. Кто-то должен был возглавлять вооруженные силы. Очевидно, их возглавлял выборный военный вождь. Известно, что власть энси первоначально была выборной. О том, что военачальником был один из жрецов, сведений нет. В Европе такие военные вожди в итоге оказывались во главе государства (например, короли франков первоначально были военными вождями).

Это происходило и в Шумере, только в условиях господства храма такой военачальник приобретал титул энси – верховного жреца и полубожественную власть, а храмовое хозяйство становилось энсиальным, или царским (энси в исторической литературе принято называть царями).

Рождение энсиальной власти раскрывается в главном эпосе шумеров – поэме о Гильгамеше. Гильгамеш – это историческое лицо, военный вождь Урука Бильгамес, живший приблизительно в 2800–2700 гг. до н. э. Гильгамеш предложил совершить военный поход на город Киш, от которого Урук находился в зависимости. Совет старейшин Урука выступил против этого похода. Тогда Гильгамеш обращается непосредственно к народу и получает согласие. Поход закончился победой и усилением власти Гильгамеша. Основное внимание историков привлекает именно конфликт меж-

ду военным вождем и советом старейшин – богатейшей верхушкой города, которая и выдвигала военного вождя, военачальника. Выступая перед народом, Гильгамеш противопоставляет себя этой богатой верхушке – «тем, кто ездит на ослах».

Итак, Гильгамеш – это прежде всего военный вождь. Но клинописные источники нам ничего не говорят о том, как разрешался второй конфликт, как военные вожди подчинили себе жрецов и встали во главе храмового хозяйства. Несомненно лишь, что определенную роль в этом играла вооруженная сила, которая стояла за его плечами, и его личные качества предводителя.

Имеет право на существование и предположение, что будущие энси – цари – выдвигались из самой храмовой администрации, из состава жрецов, но это менее вероятно. Скованные традициями действия жрецов не позволяли выдвинуться кому-либо из них в положение абсолютного владыки.

Государственность в Шумере, как уже сказано, рождается уже в конце IV тыс. до н. э. Вокруг крупных храмов возникают города – государства: Ур, Урук, Шуруппак, Лагаш, Ниппур, Эриду. Но окончательно государственная власть оформляется в III тыс. с выдвижением царей – энси.

О могуществе этой власти, о том, насколько царь возвышался над своими подданными, свидетельствуют царские захоронения, получившие у исследователей название «шахты смерти».

Захоронения остальных людей, в том числе и очень богатых и занимающих высокое положение в обществе, – это простые могилы, куда, правда, вместе с покойником помещались обиходные предметы, например, керамические сосуды и украшения.

Царские же захоронения представляли целую анфиладу выложенных кирпичом подземных помещений, где находился богатый инвентарь, золотая и серебряная посуда и украшения. Но главное – вместе с царем на тот свет отправлялось до 80 человек, которые должны были его обслуживать. Это были отнюдь не рабы, а придворные, при жизни занимавшие высокое положение. Таким же образом хоронились и члены царской семьи. В знаменитом захоронении царицы Шубад археологи обнаружили останки 68 придворных дам, имевших такие же богатые украшения, как и сама царица. Захоронения остальных людей в Шумере не сопровождались человеческими жертвами.

Как уже сказано, в это время, т. е. в середине III тыс. (26–25 вв. до н. э.), храмовое хозяйство перерастает в энциальное, т. е. непосредственно подчиненное царю, который теперь был и главным жрецом – энси. Более того, имя божества как верховного владыки храмового хозяйства исчезает. Это хозяйство уже рассматривается как собственность энси и членов его семьи.

Но этим не исчерпывались изменения в организации хозяйства. Прежде материальным производством непосред-

ственно занимались общины, которые лишь часть этой продукции отдавали на содержание храмов и жрецов. Храмное хозяйство представляло лишь верхушку хозяйства города, предназначенную для обслуживания храмового персонала.

Теперь же складывается система единого государственного хозяйства, управляемого из единого центра. Энциальное хозяйство многократно увеличивается, охватывая все отрасли, а община в организации хозяйства оттесняется на задний план.

По расчетам исследователей, в энсиальных хозяйствах было занято около трети всего населения, а в распоряжении государства находилось теперь больше половины обрабатываемой земли. Эта земля обрабатывалась работниками царского хозяйства, которые вначале назывались шублугалями, а позже гурушами. Правда, был еще один термин – земледельцы, но так назывались представители администрации, которые ведали отдельными участками сельскохозяйственных работ.

Гуруши не были рабами. Это видно из того, что к этой группе относились и воины, а за свою работу в царском хозяйстве они, кроме продовольственного пайка, получали земельные наделы. Иногда исследователи их называют «свободные неполноправные», потому что они не состояли в общинах и не участвовали в общинной жизни [14, с. 36]. Как считает А. И. Тюменев, это «общинники, вовлеченные в царское хозяйство» [11, с. 422].

2.2.5. Земледелие и ремесло

Вся энциальная земля делилась на три части. Одна часть обрабатывалась отрядами шуб-лугалей, или гурушей, и продукция этих полей шла на государственные склады. Другая часть называлась «земля кормления» и распределялась между представителями царского персонала, в том числе гурушами, составляя, в сущности, часть заработной платы. Такие участки получали не только рядовые работники, но и представители администрации. Третья часть, «земля возделывания», раздавалась участками всем желающим за уплату долей урожая.

Техника сельского хозяйства совершенствовалась. Уже в конце IV тыс. мотыжное земледелие сменяется пахотным. Появляется плуг, точнее соха, которая взрыхляла землю. Более того, это пахотное орудие было снабжено специальной воронкой, через которую пахота засеивалась зерном. Пахали на ослах, реже на быках. Лошадей у шумерцев пока не было. В пахоте участвовало три человека: один погонял ослов, второй направлял соху, а третий сыпал в воронку посевное зерно. Очевидно, это было не очень удобно.

В шумерской поэме III тыс. до н. э. плуг и мотыга спорят, кто из них важнее. Побеждает мотыга. Именно она прокладывает каналы, проводит все работы по осушению и орошению полей, а это было важнее взрыхления почвы.

Сеяли ячмень, полбу, дурру (вид сорго), пшеницу сеяли редко и мало. Важное место занимали плантации финиковой пальмы, которая считалась священным деревом. Финиковая пальма выращивалась не только для получения фиников, но и древесины – ценного строительного материала.

В составе государственного хозяйства было и скотоводство, причем нередко очень специализированное: в ведении отдельных пастухов находились, например, ослиные матки и молодые бычки.

Главным в прогрессе сельскохозяйственной техники было не появление пахотного орудия, а совершенствование мелиорации. Поэтому-то мотыга в споре и победила плуг. Первоначально использовались многочисленные естественные протоки Евфрата и Тигра, а потом стали прокладывать искусственные каналы, покрывшие всю территорию Шумера, и каждый царь – энси, перечисляя свои заслуги, выделял эту сторону своей деятельности.

Но в строительстве каналов, в мелиоративных работах персонал энсиального хозяйства, шублугали и гуруши, не участвовал. Эти работы проводились под руководством администраторов энсиального хозяйства крестьянами-общинниками, для которых это было важнейшей государственной повинностью.

Второй государственной повинностью общинников были строительные работы. Строились все более крупные храмы, дворцы правителей, города теперь обносились крепостными

стенами, но и в этих строительных работах персонал царского хозяйства не участвовал. Эти работы тоже велись руками общинников.

А поскольку мелиоративные и строительные работы производились по инициативе государства и под руководством энсиальных инженеров и администраторов, то централизованное государственное хозяйство охватило и труд общинников, которые формально в состав этого хозяйства не входили.

В энсиальном, т. е. государственном хозяйстве трудились и ремесленники: столяры, кузнецы, кожевники, портные, пекари. Важное место занимало изготовление изделий из тростника. Поскольку дерево было дефицитным материалом, из тростника изготавливались корзины для хранения продуктов и документов, циновки, которые использовались и для погребения покойников, а первоначально – суда. Довольно крупными были хлебопекарни. В одной из них на выпечку хлеба за два месяца была испрльзована тысяча гур (200 т) муки.

Ремесленники относились к все тому же сословию гурушей, обеспечивались продовольствием и получали земельные наделы, игравшие роль приусадебных хозяйств. В этом отношении не было разницы между людьми, занятыми в сельском хозяйстве и ремесле.

Натуральное довольствие в среднем составляло 60 сил (36 кг) зерна в месяц для мужчин и 30 сил (18 кг) для жен-

щин. В некоторых случаях зерно заменялось хлебом. Это дополнялось небольшим количеством растительного масла и фиников. Административный персонал и квалифицированные работники получали снабжение «по отдельным табличкам» (по особым спискам), т. е. по повышенным нормам. Кроме продовольствия, работники государственного хозяйства получали некоторые предметы потребления, например, шерсть на одежду.

Кроме этих натуральных выдач, работники государственного хозяйства получали от государства наделы земли. Обычный надел составлял от 1½ бура до 1 бура (от 2 до 6 га). Вместе с наделом давалось зерно для посева, сельскохозяйственные орудия и рабочий скот (обычно ослы).

Ремесленники получали сырье и материалы с государственных складов и на склады сдавали готовую продукцию. Существовали строгие нормы выработки, в соответствии с которыми использовался даже специальный термин – «человеко-день». Он отличался от знакомого нам трудодня именно тем, что труд был нормирован, и человеко-день соответствовал определенному объему работы, которую следовало выполнить. Например, на изготовление судна вместимостью в 60 гур (7,5 т) требовалось затратить 900 человекодней.

Система учета и отчетности была доведена до такой степени, что проводились контрольные ревизии – проверка соответствия отчетов низших руководителей реальному положению дел. Такие контрольные акты сохранились в архивах

глиняных табличек.

Рабочий персонал энсиального хозяйства делился на две группы: людей, которые обслуживали общие потребности хозяйства, и людей, обслуживавших энси и членов его семьи. Наивысшего развития достигли отрасли ремесла для обслуживания царской семьи и придворных: ювелирное дело, деревообработка, изготовление музыкальных инструментов и т. п.

В конце III тыс. до н. э., в период так называемой третьей династии Ура (22–21 вв. до н. э.), когда цари Ура практически объединили весь Шумер, подчинив энси других городов, централизация государственного хозяйства еще усиливается. В сфере ремесла это выражалось в появлении крупных мастерских. В самом Уре было 8 таких мастерских: кожевенных, столярных, кузнечных, по изготовлению тканей и одежды. Прекращается выделение ремесленникам наделов для удовлетворения их личных потребностей: теперь они переводятся на полное обеспечение со стороны государства.

По мере развития ремесла усиливался торговый обмен между городами и с окружавшими Шумер народами. Но и этот обмен был в основном тоже в руках государства. Этим занимались государственные торговые агенты – дамгары. В качестве мерила стоимости сначала использовались скот и зерно, а затем металлические слитки. До денег шумеры еще не додумались.

Для управления этим хозяйством был необходим огром-

ный государственный аппарат. Чиновники этого аппарата составляли теперь новую, служилую знать, противостоявшую старой родовой знати. Эти чиновники обычно были выходцами из тех же гурушей и по своему правовому положению были «свободными неполноправными», т. е. полностью зависимыми от воли царя. Чиновниками теперь практически становились и жрецы, и даже энси зависимых городов. Естественно, как представители верховной власти, они имели существенные привилегии по сравнению с остальным населением.

Итак, основную часть людей, занятых в материальном производстве Шумера, составляли свободные общинники и государственные работники – гуруши. Статус гуруша настолько отличался от статуса раба, что гуруш мог стать и государственным администратором. Рабы составляли незначительную долю занятых и лишь в некоторых отраслях хозяйства, причем не столько рабы, сколько рабыни. Например, текстильным производством (прядением шерсти) занимались именно рабыни. Уже в самых ранних надписях, в период складывания шумерской цивилизации, упоминаются рабыни под названием «женщины горной страны»: очевидно, основными источниками поступления рабов были военные столкновения с горным Эламом и захват пленных.

Шумерские законы отнюдь не исключали рабовладения. Отцу разрешалось продавать в рабство своих детей, и дочерей часто продавали в рабство. Цена раба составляла 14–20

шекелей серебром (117–168 г серебра) [1, с. 47–48]. Но, как уже сказано, их удельный вес в материальном производстве был незначителен

Это и понятно. Натуральное хозяйство крестьянина-общинника велось трудом семьи, а в государственном хозяйстве было выгоднее использовать даровой труд населения. Ведь раба тоже надо было содержать. И рабы постепенно растворялись в общей массе персонала.

2.2.6. Быт

Материалы археологических раскопок и клинописных архивов позволяют восстановить картину быта рядового шумера

Прежде всего, отметим, что это горожанин. О деревнях Шумера ничего неизвестно. Да и были ли они, эти деревни? В ранний период истории Шумера низменность – это регулярно заливаемое болото. Селиться можно было только на холмах – возвышенностях. Но именно на этих возвышенностях строились храмы – зиккураты, а вокруг них – города. А когда потом низменность пересекла сетка каналов, это была храмовая земля, и селиться здесь, среди орошаемых полей было, очевидно, не принято.

Центром города было окруженное крепостной стеной самое высокое место, где располагался храм, царский дворец, а также хозяйственные и жилые постройки храма и царского

хозяйства. Позже стеной обносилась и остальная часть города. Гильгамеш (Бильгамес), в частности, прославился и тем, что обнес стеной протяженностью в 10 км весь город Урук.

В шумерских городах не было прямых улиц. Это были, в сущности, не улицы, а произвольные проходы между домами. Они не мостились, а так как почва была глинистой, то в дождливую погоду это была непролазная грязь. Дома не имели окон, поэтому улица представляла собой проход между однообразных глухих стен.

Дома строились из обожженного кирпича. С улицы в дом вела небольшая дверь, узкий проход от которой вел во внутренний дворик, и в этом проходе ставился сосуд с водой, чтобы входящий мог обмыть ноги от уличной грязи.

Внутренний дворик был вымощен кирпичом, с наклоном к середине, где находился водосток. Вокруг этого дворика и располагались отдельные помещения – комнаты. Как мы видим, здесь уже была заложена схема античных домов с внутренним двориком – атрием.

Предполагается, что основная жизнь протекала не в темных комнатах, а в дворике и на плоской крыше.

В древнейший период, в IV тыс. до н. э., дома были одноэтажными, но позже, в эллинистический период, они становятся двухэтажными. На первом этаже располагались кухня, хозяйственные помещения, а жили хозяева на втором этаже. По реконструкции этот второй этаж имел галерею, окружавшую внутренний дворик. Никакой мебели, столов, стульев в

этих домах не было. Меблировка сводилась к сундукам-корзинам для хранения одежды, циновкам-коврикам и подушкам.

В некоторых домах были мастерские: при раскопках там были найдены соответствующие инструменты и множество заготовок. В «доме учителя» при раскопках Ура было обнаружено много учебных табличек. Были также обнаружены харчевня, постоялый двор, где часть комнат нижнего этажа была оборудована под стойла, а другая часть – под комнаты для постояльцев [3, с. 184–192; 13, с. 254].

Пищу хозяев этих домов составляли ячменный чурек и ячменная каша с кунжутным маслом и растительными приправами, финики.

Города были довольно крупными. Население Большого Ура в период его расцвета, т. е. города с пригородами, достигало 250 тыс. человек [3, с. 199].

2.2.7. Объединение страны

Как уже сказано, опорой выдвижения царей-энси, позволившей им одержать победу и над жрецами, и над общинной аристократией, была армия. Что из себя представляло войско шумеров?

Первоначально это было народное общинное ополчение. Каждый член общины был воином-защитником. Народное собрание состояло из воинов, выбиравших и военного во-

жды. Как и повсеместно, эти воины сами обеспечивали себя вооружением и боевым снаряжением: шлем, копье, войлочный плащ с нашитыми металлическими бляхами. Лук в боевых действиях не применялся, он использовался только для охоты. Поскольку эти воины занимались в основном сельским хозяйством, их боевая выучка была довольно примитивной.

По мере выдвижения военной верхушки на первый план выходит новый род войска – боевые колесницы. Знатный воин воевал на колеснице, запряженной ослами или мулами и снабженной «рогами» – выдвинутыми вперед остриями для поражения врагов. Вооружение такого воина составляли тоже копье или дротики.

При переходе к энциальному строю создается регулярное войско. Комплектуется оно из людей энциального хозяйства. Эти люди находятся на полном государственном содержании: им выдается продовольствие и жизненные припасы, за ними закрепляются участки земли, как и за другими гурушами. В документах указывается, что эти профессиональные воины, численность которых иногда доходила до нескольких тысяч, «ежедневно кормились» перед лицом царя.

Действовали они уже строем. Копейщики щитов не имели, но перед ними стояла линия щитоносцев с тяжелыми четырехугольными щитами. Не только легковооруженное общинное ополчение, но и колесницы аристократов теперь отходят на задний план. Наконец, при Саргоне, т. е. в конце

III тыс. до н. э., в войско вводятся отряды лучников.

Сам характер развития хозяйства Шумера требовал объединения страны в одно государство. Чтобы мелиоративные системы, системы каналов отдельных городов достигли максимальной эффективности, надо было их связать в единую сеть. Очевидно, это и было главным стимулом попыток объединения Шумера. Такие попытки делались правителями Ура, Лагаша и других городов. Но объединение оказывалось очень кратковременным и непрочным. Побежденные энси номинально признавали господство победителя, но сохраняли свою самостоятельность.

Последняя такая попытка была сделана правителем Уммы Лугальзагеси. Он в XXIV в. до н. э. одержал победу над энси других городов, перенес свою резиденцию в Урук и принял титул царя Шумера. Но и это объединение было, в сущности, конфедерацией самостоятельных государств. Лугальзагеси правил 25 лет, после чего был побежден Саргоном.

Саргон, по преданию, был приемным сыном водоноса, садовником, потом служилым человеком царя города Киша. Очевидно, он обладал незаурядными способностями, потому что за короткое время захватил власть не только в Кише, но и во всем Аккаде, увеличил свое войско до 5400 человек, завоевал Шумер и значительную часть северной Месопотамии. В сущности, это было объединение Месопотамии в одно государство. Под его руководством мелиоративные системы отдельных городов слились в единую ирригационную

сеть.

Саргон и его наследники правили с XXIV по XXII вв. до н. э., а затем страна была завоевана горным племенем кутиев. Кутии, впрочем, не стали разорять страну. Они опирались на прежних правителей – энси и на жрецов, получая с них дань. Страна опять раздробилась на мелкие города-государства. Как это обычно происходит при взаимодействии культур разных уровней, кутии стали ассимилироваться в шумерском обществе, теряя свои первоначальные бойцовские качества.

Господство кутиев продолжалось около ста лет, после чего они были разбиты объединенными силами городов Ура и Урука.

После кутиев страна была снова объединена под руководством третьей династии Ура. В период правления этой династии (XXII–XXI вв. до н. э.) экономика и культура Шумера достигают наивысшего расцвета.

Наконец в 1737 г. до н. э. Вавилон «разрушил стены Ура», и на этом история Шумера закончилась. Шумер стал составной частью Вавилонского государства, шумерский язык был вытеснен вавилонским, и глиняные таблички теперь составлялись не на шумерском, а на вавилонском языке.

* * *

Итак, история Шумера – это история страны типичного

восточного пути развития, «азиатского способа производства». Особенности этого пути здесь больше чем где бы то ни было определялись необходимостью создания ирригационно-мелиоративной сети, вызвавшей раннее возникновение государства и обеспечившей высокий прибавочный продукт, необходимый для развития цивилизации.

Хозяйство Шумера развивалось как централизованное государственное хозяйство со строгой системой учета и отчетности и огромным слоем людей, непосредственно работавших на государство и получавших содержание от государства. Именно необходимость учета и породила здесь раннее возникновение письменности.

Люди «неполноправные», т. е. находившиеся на государственной службе, подчинявшиеся строгому регламенту и получавшие государственное обеспечение, занимали здесь более высокое положение в обществе, чем «свободные» общинники.

А вот еще один элемент «азиатского способа производства» – сохранение общины и общинных отношений – здесь проявлялся сравнительно слабо. Государство здесь не стало объединением общин. Государственное хозяйство выросло из храмового, жреческого. Все более расширяясь, оно сокращало прерогативу общинных порядков и подчиняло общину, вовлекая ее в сферу государственного хозяйства. Ведь именно «свободные» общинники строили ирригационные сооружения, храмы и дворцы под руководством государ-

ственных инженеров и администраторов.

В этих условиях частная собственность и частное предпринимательство могли существовать лишь на задворках этой системы. Были мелкие торговцы, владельцы харчевен и постоянных дворов, но они лишь дополняли государственную систему, заполняя ниши вне государственного хозяйства. Выполняя определенные административные или производственные функции на службе государству и находясь на государственном обеспечении, человек чувствовал себя надежно и комфортно.

Литература

1. *Авдиев В. И.* История Древнего Востока. М., 1970.
2. *Белицкий М.* Забытый мир шумеров. М., 1980.
3. *Вулли Л.* Ур халдеев. М., 1961.
4. *Дьяконов И. М.* Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.
5. История Древнего Востока. М., 1988.
6. *Керам К.* Боги, гробницы, ученые. М., 1960.
7. *Массой В. М.* Эпоха первых цивилизаций // Вопросы истории. 1986. № 3.
8. *Массой В. М.* Становление раннеклассового общества на Древнем Востоке // Вопросы истории. 1967. № 5.
9. *Мелларт Д.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.

10. *Оппенгейм А. Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980.
11. *Тюменее А. И.* Государственное хозяйство Древнего Шумера. М.-Л., 1956.
12. *Церен Э.* Библейские холмы. М., 1966.
13. *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
14. *Шилюк Н. Ф.* Древний Восток. Свердловск, 1991.
15. Эпос в Гильгамеше. М., 1961.

2.3. Вавилон

2.3.1. Ассимиляция пришельцев

Тот Вавилон, о котором мы знаем из Библии, Вавилон Навуходонносор и Валтасара, вавилонского столпотворения и вавилонского плена иудеев, это лишь самый конец многовековой истории этого города-государства. Особенности его экономического развития определялись двумя факторами. Во-первых, тем, что это государство было прямым наследником Шумера, шумерской культуры и сети мелиоративно-ирригационных каналов. Во-вторых, тем, что Вавилон находился на пересечении торговых путей, водных и сухопутных, между Средиземным и Индийским морями. Это был главный торговый центр Ближнего Востока.

Он притягивал не только купцов, но и кочевников, и воинственные племена, находившиеся на стадии военной демократии. Поэтому история Вавилона – это история того, как его многократно завоевывали эти воинственные дикие племена, которые здесь переставали быть воинственными и дикими. Первый период истории Вавилона – это период аморейской династии. Аморей – это семитское скотоводческое племя. Они пасли скот в степях, расположенных к востоку от Месопотамии, и, как говорится в клинописных источни-

ках, «не знали ни домов, ни городов». Столкнувшись с земледельческой культурой Месопотамии, воинственные кочевники стали перенимать оседлый образ жизни, а их вожди захватывали власть в некоторых городах. Так и город Вавилон в 1894 г. до н. э. оказался под властью аморейской династии. Из царей этой династии особенно прославился Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.), который объединил под своей властью почти всю Месопотамию.

Но наиболее прославился этот царь не завоевательными войнами и даже не действиями по восстановлению и развитию ирригационной системы, а составлением свода законов из 232 статей, охватывавших все стороны жизни населения Вавилонии. Как уже говорилось, в основу кодекса были положены шумерские законы, но теперь они были приведены в систему и дополнены в связи с изменениями в экономике страны. Именно законы Хаммурапи позволяют нам детально восстановить экономическую жизнь государства в этот период.

Наследники Хаммурапи правили еще 200 лет. В 1595 г. до н. э. Вавилон был разграблен хеттами, а затем захвачен горными племенами касситов. После этого все повторяется: касситы ассимилируются, перенимают культуру и обычаи местного населения. Сначала вожди этого народа ведут себя как завоеватели, устанавливая власть в отдельных городах, а затем цари касситской династии начинают проводить такую же политику укрепления хозяйства страны, какую до них про-

водили цари аморейской династии. Правили они более 400 лет, и в XIV в. до н. э. начался даже новый экономический подъем Вавилонии.

Касситская династия прекратилась в 1176 г. до н. э. На этот раз страну захватили соседи – эламиты. Госодство Элама, впрочем, продолжалось недолго. Вавилонский царь Навуходоносор I (1126–1105 гг. до н. э.) разгромил эламитов и даже на короткое время подчинил Ассирию.

Длительное время продолжалась борьба между Ассирией и Вавилоном за господство в Месопотамии. В 729 г. до н. э. ассирийский царь Тиглатпаласар III захватил Вавилон, и на столетие (с 729 по 626 гг. до н. э.). Вавилон стал частью Ассирийского государства.

В отличие от прежних завоевателей ассирийцы были народом, близким вавилонянам по культуре и даже по религии. Вавилон был для ассирийцев священным городом. В правящей верхушке Ассирии за власть боролись две группировки – ассирийская и вавилонская, а некоторые ассирийские цари короновались в Вавилоне как вавилонские. В сущности, это было Ассиро-Вавилонское государство. Но продолжалась борьба двух центров, и иногда Вавилон подвергался опустошительному разрушению.

Между тем с конца IV тыс. до н. э. на Месопотамию стала надвигаться новая волна кочевников-скотоводов. Это были халдеи. У них сохранялись еще родо-племенные отношения. Государства у халдеев не было, каждый вождь племени

действовал самостоятельно. Но и халдеи в Месопотамии постепенно ассимилировались, а их вожди оказывались даже в составе правящей верхушки Ассирии.

В 626 г. до н. э. ассирийский военачальник, родом халдей, перешел на сторону Вавилона и основал халдейскую династию (626–556 гг. до н. э.). В период правления этой династии Вавилон достиг небывалого расцвета и могущества.

Халдейский Вавилон – это Вавилон Библии. Вавилонский царь Навуходоносор II дважды разгромил Иерусалим, переселив в Вавилонию верхушку иудейского общества и превратив Иудею в провинцию вавилонской державы.

В 556 г. до н. э. халдейская династия прекратилась. В результате развернувшейся борьбы за престол царем стал Набонид, представитель арамейского племени. Он перенес центр государства в Аравию, а наместником в Вавилоне поставил своего сына Белшаруцура (библейский Валтасар).

История Вавилона кончается в 539 г. до н. э., когда персидский царь Кир захватил этот город и присоединил к державе Ахеменидов.

Итак, за полтора тысячелетия своей истории Вавилон неоднократно завоевывался племенами, находившимися на стадии первобытно-общинного строя, а точнее – на стадии военной демократии, когда уже выделились военные вожди племен. Этой стадии, как известно, присуща особая воинственность. Оказать достойное сопротивление этим воинственным завоевателям изнеженные, «окультуренные» вави-

лоняне оказывались не в состоянии. Но каждый раз повторялось одно и то же: воинственные, дикие завоеватели асси-милировались, растворялись среди местного населения, перенимали у него культуру и обычаи, и имя народа-завоевателя сохранялось только в названии очередной династии: аморейской, касситской, халдейской. В конечном итоге Вавилон оставался Вавилоном.

2.3.2. Распад государственного хозяйства. Частная собственность и аренда

В первый период процветания Вавилона, период Хаммурапи, централизованного государственного хозяйства уже не было. Не было объединенных в трудовые отряды государственных работников – гурушей, исчезли крупные государственные мастерские.

Правда, государству в лице царя принадлежало 30–50 % земли, но эта земля уже не обрабатывалась трудом государственных работников. Часть земли передавалась в пользование представителям огромного бюрократического аппарата в качестве платы за службу. Земельные наделы получали за службу и воины. Остальная земля сдавалась практически в аренду «приносящим доход». Это были люди, получавшие участки государственной земли за определенную плату. Такой способ использования земли был проще и экономичнее

организации государственных работ, поскольку основывались на использовании материальной заинтересованности и не требовал армии надсмотрщиков. Таким же образом использовались земли храмов, которые тоже входили в состав государственного земельного фонда.

В сущности, это были арендные отношения. Более того, богатые люди арендовали государственную землю крупными участками, чтобы делить ее и в свою очередь сдавать в аренду мелким хозяевам для непосредственной обработки. Государственные чиновники, получавшие землю в качестве платы за службу, тоже делили ее на мелкие участки и сдавали в аренду. Такой чиновник имел право продать свой земельный участок, только к покупателю переходила и обязанность нести государственную службу.

Законы Хаммурапи ограничивали продажу общинной земли, а это значит, что подобная практика была уже довольно распространенной. Но эта практика не соответствовала общинным отношениям. Община распадалась. Территориальная община (деревня за пределами города или городской квартал) практически превратилась в административную единицу. Сохранялся совет старейшин, но он возглавлялся теперь представителем царя, а важнейшие судебные функции были переданы назначенным царем судьям.

Основные ирригационные работы выполняли общинники, но и в этом возрастала роль частных хозяев. По законам Хаммурапи, если кто-то не доглядит за состоянием иррига-

ционных сооружений на своей земле и от этого пострадают соседи, виновный обязан возместить им ущерб.

И все же ослабление централизованного управления ирригационными работами вело к упадку этой системы. Использовалось лишь то, что осталось от прежних времен. Во II тыс. до н. э. началось засоление почв и урожайность упала в три раза.

Итак, в чем заключались изменения в экономике по сравнению с шумерскими временами? Централизованное государственное хозяйство распалось, община превратилась в административную ячейку государства, в инструмент для сбора налогов. В противовес государственной собственности на землю стала развиваться частная собственность: землю, которую можно сдать в аренду и продать, уже нельзя назвать общественной собственностью.

Существенным изменением в социальной структуре общества стало расширение рабовладельческих отношений. Сходит на нет патриархальное рабство. Если раньше продажа детей в рабство считалась нормой, и выход дочери замуж означал продажу ее жениху, то теперь, наоборот, жених получал с невестой приданое от ее отца. Законы Хаммурапи ограничили кабальное рабство. Если прежде несостоятельный должник становился рабом кредитора, то теперь долг отрабатывал не сам должник, а члены его семьи, причем только в течение трех лет.

Но численность рабов, приобретенных путем покупки у

иноземцев или захвата пленных, существенно возросла. Рабский труд стал широко использоваться в мелких хозяйствах. Это оказывалось достаточно выгодным, потому что не требовались надсмотрщики: находясь рядом с хозяином, раб не мог отлынивать от работы. Семья среднего достатка обычно имела от 3 до 6 рабов. Не иметь рабов считалось признаком бедности.

В правовом отношении население страны делилось на три категории: авилум, мушкенум и вардум. Вар дум – это рабы. Они тоже имели некоторые права. Рабу разрешалось иметь свое имущество, вступать в брак со свободной женщиной, причем дети от этого брака считались свободными. Авилум – свободный полноправный человек, мушкенум – государственный служащий. Если в Шумере государственные служащие были господствующей группой населения, то по законам Хаммурапи их правовой статус был ограничен. Если за членовредительство авилума полагалось наказание по принципу талиона («око за око, зуб за зуб»), то наказанием за членовредительство мушкенума был денежный штраф. Это кажется странным: ведь и при Хаммурапи государственные чиновники обладали повышенными правами, и простые люди от них зависели. Очевидно, здесь имело значение то обстоятельство, что для членов общин сохранялись традиционные архаичные нормы, а для царских слуг устанавливались новые нормы, более соответствующие товарно-денежным отношениям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.